

● Музыкальный погвал

Ленинградская сцена. — Алиса — Ата. — 1991. — 25 стр.

КАК ПОМИНАЮТ ВИНОМ И ХЛЕБОМ,

как провожают лето, пел Кинчев
на концерте памяти Виктора Цоя

Меня поразила эта песня. Нет, не яростная «Новая кровь», а та затуманенная, декадентская, щемящая, но грозная, как после отбужившей грозы. И вот мне привезли этот альбом «Алисы» «Шестой лесничий», и там была песня, которая показала другого Кинчева, не того сатанински раскрашенного, в черно-красном одеянии, с магическими жестами рук, не то дьявола, не то пророка. Другой Кинчев, отрешенный, со взглядом,

обращенным внутрь, в душу, Кинчев, который навсегда прощается с другом. Прозрачный осенний день над озером и болотами, высокое, как бы вычищенное, небо, каким оно бывает только осенью, и души ушедших возносятся вверх. День Вознесения. Песня называется «Только этот день».

Мое трепетное отношение к Кинчеву почему-то вызвало возмущение знакомого художника.

— Да как ты можешь

любить Кинчева? Да там на том же концерте был Ринго Старр! Ну какое может быть сравнение?

Ну не спорить же с ним до белого каления. Человек я взрослый, во все не классический фанат, скорее профан и могу допустить фактические ошибки, пусть уж фаны меня извинят. Но дело в том, что ни Ринго Старр, ни Бон Джовини не способны довести меня до состояния, что определяется точно слепленным слоговым словом «тащиться».

Сухой, четко выверенный голос с интонациями то грозно вопрошающими, то издевательскими, дьявольская грация, угловатый артистизм, во всем облике пусть дикая, но гармония. И это расплавляет мою душу до щенячьего восторга, что весьма странно и ново в моем возрасте, я даже ловлю себя на том, что непроизвольно — растроганно бормочу про себя: «Ну ты даешь!..»

И некоторые юные личности, разинув рты, изумленно наблюдают за мной и только что не вертят пальцем у виска. Но одобряют. Но высокомерно поучают и поправляют, когда я неточно пою заворачивающие строки: «Осеннее солнце — гибель... сюрреалист...»

Именно заворачивают меня голос и музыка Кинчева, как заворачивает одухотворенной вязью своих образцов и мелодики БГ. О, эта магия ритуального колдовства, творимого современными рок-волхвами!..

Альбом «Шестой лесничий» потрясает грозной красотой языческих

пророчеств, и повзрослевший лидер «Алисы» в последней композиции этого альбома делает печальное открытие: «Я поднимаю глаза, я смотрю вверх. Моя песня — раненный стерх...».

Когда же я впервые увидела на обложке журнала невероятно разрисованную физиономию Кинчева со вздыбленными патлами, в жилетке на голом торсе — кадр из фильма «Взломщик» — это был шок неприятия. Потом меня почти насильно знакомили с альбомом «Энергия», водили на фильмы «Ия-хха!», «Рок», в результате чего вся эта неподражаемая актерская игра Кости Кинчева, его эпатажирующие выходы, его звериные выскочки и пробежки по сцене, его полустерические песни обернулись для меня новой искренностью и той правдой, которая уродлива и при первом взгляде вызывает острое чувство вражды, но ведь кто-то должен ее сказать первым и сполна получить за это. Так трудно я начала узнавать «Алису» Кинчева и теперь откровенно признаюсь — люблю. Люблю, как советует А. Житинский в своей книге «Путешествие рок-дилетанта», не пытаясь дотянуться ни со стороны слов, ни со стороны музыки, главное, что это достает тебя до печенок — и все!

Кстати, Александр Житинский — тот самый РД (рок-дилетант), что в течение ряда лет ведет раздел «Музыкальный эпистолярный» в журнале «Аврора». В книге он собрал беседы со многими звездами нашего рока, особенно ленинградцами. Цой, БГ, Макаревич, Кинчев, Задеерий, Борзыкин, Бутусов и прочие, их фотографии — все в этой книге. Настоятельно советую фанам ринуться на поиски книги «Путешествие дилетанта» А. Житинского, чтобы перелистать ее с удовольствием и пользой для себя.

А Кинчев вообще-то Панфилов, но для сцены взял фамилию своего деда-болгарина, репрессированного в сталинские годы. В юности даже поступил в хор Большого театра, спев на экзамене прелестный романс «Гори, гори, моя звезда!», работал натур-

щиком в художественном училище. В семье его «всегда считали придурком, а сейчас гордятся».

Года два назад газета «Семья» подарила Кинчеву всю полосу: его фото и стихи. Стихи роко-поза, напечатанные на бумаге, лишенные магического ритуала: музыки, сполохов света, дыма. И тогда стихи говорят сами. Кинчев — поэт. С душой язычника, с солнцем, вспыхивающем в крови, и ему, наверное, дано осветить ночь.

И немного о поэзии в виде отступления. Был у меня друг юности Витя Вишняк, ныне безвременно и трагически погибший. Не очень известный актер, хотя в Москве его знали, и всю жизнь свою Витя писал стихи. Странные, непостижимые, они кружили мне голову своей загадочностью, до сих пор помню две строки его ранней поэмы: «Спит Вавилон. В сто миллионов карат судьбы потерянная драгоценность». В последнюю нашу встречу я спросила его острожно: «Витя, ну если даже я, человек как бы литературный, не очень понимаю твои стихи, то для кого вы их вообще пишете?» И он ответил: «Вообще поэзия — это зашифрованное состояние человеческой души. И если человек, читая мои стихи, вдруг сможет их расшифровать, значит, состояние его души близко моему. Это и есть понимание. А понимание вообще редкое...». Он грустно улыбнулся. При жизни в журналах изредка печатались его стихи о березках и родных местах, больше ничего.

Поэты пишут в стол, поэты поют под гитару, выкрикивают свои стихи под неистовые ритмы ударных, под звон колокольчиков. Поэты — преждевременные люди, они проходят над миром, большей частью непонятые. Поэты погибают раньше нас, им не дано прожить на этой земле благополучную жизнь. И как бы мы ни тужились, но пока мы сами не возрастим свои души до чуткости и тонкого слуха, нам не понять их поэтического заветания. А надо понять.

Генриетта КАН.

Фото Г. Молитвина.